

Научная статья

УДК 910.1:303.446.23 + 316.346.36:159.953 + 316.334.56

doi 10.15826/tetm.2022.3.030

Память и идентичность на пограничье: переинтерпретация пространства

Юлия Валерьевна Зевако

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

zevakojulia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7656-0141>

Аннотация. В статье дается краткая характеристика исследования пограничья с точки зрения антропологии; проблематизируется исследование памяти и идентичности на пограничье с точки зрения теории «мест памяти» П. Нора и дискурсивной природы этих феноменов; анализируются два кейса с фокусированием на механизмах переинтерпретации пространства с целью формирования новой памяти и новой идентичности места/местных жителей как усилиями государственных акторов, так и путем повседневных бытовых практик.

Автор приходит к выводу, что успешные практики переинтерпретации пространства часто связаны с радикальным изменением демографических характеристик пограничного региона и проведением соответствующей последовательной политики, синхронизирующей и синхронизирующейся с бытовыми повседневными практиками освоения данного физического и социокультурного пространства местными жителями. В ином случае разные версии памяти в одном/об одном пространстве у разных групп населения пограничья приводят к обострению конфликтного потенциала их взаимодействия между собой и с центральными государственными институтами как интересантами одного политического проекта.

Ключевые слова: память, идентичность, переинтерпретация пространства, пограничье, memory studies

Для цитирования: Зевако Ю. В. Память и идентичность на пограничье: переинтерпретация пространства // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 1. С. 46–54. doi 10.15826/tetm.2022.3.030

Благодарности: Работа выполнена по гранту РНФ № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в in-between пространствах “иммигрантских” сообществ (на материалах “британских мусульман” в современной Великобритании)», рук. Д. Н. Караева.

Original article

Memory and Identity on the Borderland: Reinterpretation of Space

Yulia V. Zevako

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

zevakojulia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7656-0141>

Abstract. In this article, the author gives a brief description of the studies of the borderland from the point of view of anthropology, problematizes the study of memory and identity on the borderland from the point of view of the theory of “places of memory” by P. Nora and the discursive nature of these phenomena. The author analyzes two cases, focusing on the mechanisms of space reinterpretation in order to form a new memory and a new local identity both through the efforts of state actors and through everyday practices.

The author comes to the conclusion that successful practices of space reinterpretation are often associated with a radical change in the demographic characteristics of the border region and the implementation of an appropriate consistent policy that synchronizes with everyday practices of the development of this physical and socio-cultural space by local residents. Otherwise, different versions of the memory of the same space among different groups of the border population lead to an aggravation of the conflict potential of their interaction with each other and with central state institutions as they are interested in only one political project.

Key words: memory, identity, reinterpretation of space, borderland, memory studies

For citation: Zevako, Yu. V. (2022). Pamyat' i identichnost' na pogranich'e: pereinterpretatsiya prostranstva [Memory and identity on the borderland: reinterpretation of space]. *Tempus et Memoria*, 3, 1. 46–54. doi 10.15826/tetm.2022.3.030

Acknowledgments: The research work was supported by the RSF grant № 22-28-02064 “Peculiarities of the discourse of national/civil identity in the in-between spaces of “immigrant” communities (on the materials of “British Muslims” in modern Great Britain)”, supervisor D. N. Karavaeva.

Интерес к пространственному измерению памяти и идентичности в рамках нового направления исследований, memory studies, был поставлен в самом названии широко известного проекта, инициированного П. Нора в конце 1970-х гг., — «Места памяти». П. Нора полагал, что реальная среда памяти была заменена «местом памяти», в котором связи с прошлым в значительной степени конструируются и осуществляются через эти «пространства памяти» [Франция-память]. В этом смысле особый интерес вызывают пограничные территории, которые становятся своеобразными лабораториями по выстраиванию памяти и идентичности на физических, социокультурных, ментальных пространствах, являющихся полем конкуренции разных политических проектов и результатом разных исторических обстоятельств, отразившихся и на людях, и на населенных ими землях.

Как подчеркивает М. Эйленбергер, «обширная литература по пограничным исследованиям

разбросана по многим дисциплинам, и существует столько же подходов к этому предмету» [Eilenberger, 43]: политологи («политическая лимнология») [Цветкова], экономисты [Божко, 47–50], философы, психологи и культурологи [Ерохина, Хрящева, Захарова, 233–239], филологи и лингвисты [Большакова, Мотеюнайте, 130–143] активно занимаются разработкой данной тематики. Понятия «границы» и «пограничье» успешно осваиваются и антропологами, составляя суть целого исследовательского направления — «антропологии пограничья» [Беспамятных, 36–43]. Представители данного направления пытаются осмыслить и теоретизировать динамику государственных границ, прилегающих пограничных территорий и их населения [Eilenberger, 43]; преодолеть узкий взгляд по принципу «сверху вниз», который фокусируется на том, как государства взаимодействуют с границами и их населением, осуществляя контроль и проявляя власть; исправить односторонность исследований,

ориентированных на государство, признав разного рода границы в качестве лабораторий социальных и культурных изменений; способствовать пониманию пограничных процессов и формирования государства с точки зрения живущих там местных агентов [Eilenberger, 44–45]. Другими словами, антропология пытается исследовать «человеческое измерение» границы/пограничья — то, как ощущаются и осмысливаются «снизу» естественно сформировавшиеся или заданные «сверху» политические, экономические, хозяйственно-административные, территориальные и прочие координаты, то, как о разного рода границах люди *мыслят и говорят*, как они на границах *действуют и взаимодействуют*, — то, что Е. Брюнет-Джейли называет «human agency» [Brunet-Jailly, 351–352].

«Агентность» жителей пограничья также является достаточно динамичной категорией, поскольку на нее в значительной степени влияют административный и политико-институциональный контексты того государства (региона), частью которого они являются в конкретный промежуток (исторического) времени, но не исчерпываются ими.

Принимая во внимание то, что «пограничье» может восприниматься достаточно широко — и как объекты, непосредственно примыкающие к государственной границе, и как локальные населенные пункты, как правило сельские, в которых живут представители различных этносов, языковых групп, конфессий и культурных традиций, и как локальная «приграничность» и внутрилокальная культурная «разграниченность» [Беспамятных, 38–40], в данной статье я сконцентрируюсь на первом варианте: пограничье как «регион, который характеризует непосредственная близость к государственной границе, и прямое и значительное экономическое, социальное и политическое влияние этой границы на жизнь в регионе... как набор практик, определяемых этой границей» [Eilenberger, 44–45], как пространство, на котором (со)существуют по крайней мере «два типа нарративов, один из которых пропагандируется государством, а другой — пограничным населением» [Ibid., 55].

Вопрос о нарративах, связанных с пограничными территориями, ставит вопрос о политике и практиках идентичности в указанных

пространствах, ориентированных на современность, но черпающих свои основания в прошлом, активизируя потенциал памяти места и памяти о месте в самых разных его проявлениях.

Поскольку пограничные территории, как правило, имеют достаточно сложную историю (в том числе перехода под юрисдикцию разных политико-административных единиц), можно предположить, что идентичность людей на пограничье также будет достаточно сложносочиненной, в собственной логике включающей/исключающей, усваивающей те версии памяти, которые оказываются актуальными в текущий момент. С другой стороны, имея в виду селективный характер памяти с точки зрения носителей (в нашем случае жителей пограничья) и инструментальный характер памяти с точки зрения политических акторов разного уровня, можно предположить, что в разных поколениях восприятие жителями пограничья себя и пространства, в котором они живут, может значительно отличаться, создавая дополнительную сложность в (само)позиционировании пограничья и интеграции/включении его в большие государственные нарративы и политические проекты, предполагающие переинтерпретацию пространства пограничья (в культурном, религиозном, физическом, архитектурном и прочих смыслах).

Разнообразие случаев и обстоятельств пограничья дает разные варианты тех процессов, о которых было сказано выше. В данной статье я остановлюсь на двух ярких случаях, некоторым образом рифмующихся между собой. Это кейс с Верхней Силезией на польско-германском пограничье и кейс с городом Нарва на российско-эстонском пограничье.

Первая и Вторая мировые войны сильно перекроили карту Европы, на ней появились новые государства, а границы старых значительно сместились. Перемещение коснулось и людей, ранее населявших эти территории: добровольные и насильственные миграции стали приметой времени и сильно влияли на политику и практики в старых/новых пограничных территориях.

Если мы обратимся к Энциклопедии «Британника», узнаем, что после поражения Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне встал важный вопрос о конфликтующих

притязаниях Германии и Польши на большую часть Верхней Силезии (Нижняя Силезия продолжала входить в состав Германии до конца Второй мировой войны). В результате трех польских восстаний против немцев и несмотря на то, что на плебисците 20 марта 1921 г. большая часть населения высказалась за принадлежность к Германии, союзные державы одобрили включение юго-восточной части Верхней Силезии в состав новой страны, Польши. С завоеванием Польши в 1939 г. нацистская Германия вернула себе Верхнюю Силезию. Многие силезские поляки были убиты или депортированы, а территории были заполнены немецкими поселенцами. Обратный процесс произошел в 1945 г., когда Силезия была захвачена советской Красной армией, затем в августе 1945 г. союзные державы согласились передать почти всю Силезию Польше, а немецкое население региона — в управляемую союзниками Германию. Фактически более 3 млн силезских немцев были насильственно изгнаны на запад, а область была вновь заселена поляками с востока и севера [Silesia].

Как происходила переинтерпретация этого немецко-польского пограничья в новых реалиях послевоенного мира? А. Демшук провел скурпулезное исследование этого процесса. Он отмечает, что «вместо обещанной пропагандой “вечно польской Силезии” польские поселенцы столкнулись с руинами немецкой провинции, и польской элите пришлось изобрести идею польского Вроцлава именно по той причине, что в польской памяти этот город едва существовал до 1945 г.; его скудные польские связи, восходящие к средневековой династии Пястов, были неизвестны большинству. Нигде не было черты, которую можно было бы узнать и без колебаний назвать польской; город был немецким по форме и содержанию. Поэтому с еще большей энергией, чем того требовало государство, новые поселенцы уничтожали немецкие элементы или изобретали для них свои собственные значения, чтобы создать ту самую польскую Силезию, которая, как утверждали их мифотворцы, существовала всегда» [Demshuk, 43–44].

Опасаясь притязаний Германии на «утраченные земли», вплоть до официального признания ФРГ в 1970 г. новой границы между Германией и Польшей, польские коммунистические

политики, националистические ученые и католическое духовенство действовали в одном направлении: «пользовались популистской, националистической антинемецкой риторикой и проповедовали движение на запад как историческую возможность исправить многовековые немецкие проступки»; проповедовали государственную мифологию о «возвращенных территориях», о том, что Польша вернула себе исторические польские земли [Demshuk, 46–47]. Силезская граница для послевоенной Польши стала одним из своеобразных «символов, с помощью которого страна определяла себя» [Ładykowska, Ładykowski, 162], «изобретая» и продуцируя новые смыслы.

В переинтерпретацию пространства («перерегистрацию», по терминологии А. Демшука) активно включилось и академическое сообщество: так, «националистические исследовательские институты и ученые приступили к еще более сложным изобретениям “древней” истории Польши на Западе. Западный институт был основан в Познани в 1945 г., за ним последовали Силезские институты в Ополе и Катовицах. Их цель заключалась в преемственности с межвоенными исследовательскими обществами... которые продвигали польские национальные претензии на западные регионы... в риторике права на “восстановление” территорий, которые немцы в свое время “отвоевали” у польского народа» [Demshuk, 47]. Католическая церковь также активно поддерживала идею «сдвига на Запад», видя в этом возможность не просто ополитизировать «восстановленные территории», но и полностью католизировать регионы, которые ранее были протестантскими [Ibid., 48]

А. Демшук подчеркивает, что «перерегистрация» была особенно сильной в первые послевоенные годы, когда «немецкое наследие наиболее заметно бросало вызов польским притязаниям», но активно продолжалась и впоследствии. Все немецкие надписи должны были быть удалены, а немецкие памятники и здания должны были быть «дегерманизированы» или заменены польскими. К 1970 г., как пишет автор, в польских туристических книгах все довоенные евреи города были зарегистрированы как поляки, а немецкие города, улицы и достопримечательности переименованы на «обычно изобретенные» польские

националистические названия: «улица СА» в Бреслау стала во Вроцлаве «улицей силезских повстанцев», площадь Тауэнцина стала площадью Костюшко, Бунцлау «вернулся» к своим славянским корням как Болеславец и т. д. Автор подчеркивает: тот факт, что польские чиновники то и дело ошибались или путали новые названия «вечно польских» мест, свидетельствовало об их искусственности [Demshuk, 50–51].

Переинтерпретация касалась и архитектурного облика города: «создание польской Силезии» требовало очень селективного отношения к послевоенному восстановлению памятников культуры и архитектуры, — курс был взят на то, чтобы сохранять «только польские памятники» [Ibid., 51–52].

Еще одной практикой и инструментом переинтерпретации стали регулярные церемонии празднования «возвращения» «древних польских земель» и победы над немецкостью — например, «Выставка возвращенных земель» во Вроцлаве летом 1948 г., которую автор называет «одним из крупнейших пропагандистских шоу в истории коммунистической Польши» [Ibid., 52], зрителями которого стали более полутора миллионов поляков. Все это сочеталось с последовательной языковой политикой на новых территориях, которые, по мнению М. Винкена, «стали решающими для установления границы» [Venken, 77].

Политика памяти, активно и бескомпромиссно проводимая польскими властями в Силезии, в этом польско-германском пограничье, по-своему преломлялась среди жителей региона. А. Демшук отмечает, что 3,5 млн немцев, изгнанных из своих прежних домов, заменили 4,5 млн поляков, часть из которых прибыла из опустошенных районов Центральной Польши, а часть — из обширных восточных кресов Польши, лагерей для перемещенных лиц в Германии и издалека. Соответственно из-за разного происхождения польские поселенцы в Силезии составляли далеко не однородную группу: разное прошлое влияло на то, как они интерпретировали незнакомый мир вокруг себя [Demshuk, 53].

Несмотря на свою разность и разобщенность, эта «пограничная идентичность прибывших в новые земли поляков была особенно антигерманской, поскольку «нацистские

окупанты в Польше опустошили польские пространства памяти и своей жестокостью посеяли воспоминания, враждебные всему немецкому... Поэтому неудивительно, что поселенцы, насильственно переселенные из кресей или просто ищущие лучшей жизни среди руин в Центральной Польше, в целом были едины в своем отвращении к немецким артефактам, с которыми они сталкивались на каждом шагу... и активно участвовали в превращении мифологии в физическую реальность вокруг себя, вытравливая немецкие смыслы и создавая новые» [Demshuk, 53–54]. В конечном счете смешение поляков из столь многих регионов в новом пространстве без собственной отчетливой польской региональной идентичности, подчеркивает А. Демшук, привело к появлению нового «польского народа» [Ibid., 55] и осмыслению бывшей пограничной территории как «такой же польской, как Варшава, но с немецким наследием» [Ibid., 57].

В то же самое время, отмечает исследователь, немцы — бывшие жители Силезии и их потомки — также приняли тот факт, что теперь это польские земли, в конце 1950-х — в 1970–1980-е гг., актуализировав процессы пограничного взаимодействия с точки зрения «human agency» поверх установленных государством правил. А. Демшук назвал этот процесс «транснациональными встречами на общей родине», которые приводили к «обмену смыслами между немецкими путешественниками и польскими поселенцами в палимпсестных пространствах Силезии». При этом «немцы воспринимали Силезию как польское пространство, в то время как поляки в частном порядке игнорировали политические табу, запрещающие обсуждение немецкого прошлого» [Ibid.]. На время состояние «пограничья» вновь вернулось в Силезию, но не как физическое пограничье (здесь граница была уже обозначена, признана и принята), а как культурно-ностальгическое пространство, связанное одновременно с материальным наследием, которое поляки еще могли сохранить для немцев в виде реконструкции старых немецких зданий, хоть и с «польскими смыслами» [Ibid., 65], и нематериальным наследием — семейной памятью, памятью о быте и укладе прежней жизни этих мест, которые немцы могли предложить полякам. На время этого взаимодействия,

взаимного рассказывания историй о прошлой и настоящей жизни, одинаково важного и «своего» пространства для обеих сторон, часто формировались «дружеские, даже долгосрочные связи».

Негласный договор, сформировавшийся на «человеческом измерении» этого условного «пограничья», заключался в том, что немецкие «путешественники обычно были готовы не обращать внимания на польское переписывание немецких памятных мест, если в конце концов поляки были готовы восстановить или отремонтировать немецкие объекты к своему удовлетворению, потому что это давало им ощущение, что пространства памяти из их прошлого живут в жизни других людей» [Demshuk, 67].

Эпоха «транснационального обмена» на культурно-ностальгическом пограничье закончилась с уходом людей — носителей опыта пограничного взаимодействия, «бывшими и нынешними жителями Силезии». К концу XX в. с естественным уходом носителей данного опыта и памяти и в результате целенаправленной политики колонизации Силезия в понимании современных поляков и немцев окончательно стала польской. Как пишет А. Демшук, «не имея связей с регионом, даже большинство потомков немецких силезцев в значительной степени не знают о немецком прошлом региона и отвергают Шленск как просто еще один район Польши, который немногие немцы должны посетить. Немцы просто больше не силезцы. Нынешние силезцы — поляки, и они овладевают многослойной историей своей родины на своих условиях... и для себя» [Ibid., 73–74].

Пример Силезии показывает успешный вариант переинтерпретации пространства, переизобретения памяти и переозначивания идентичности места и его жителей (при достижении консенсуса старых и новых «хозяев места» по поводу нынешней принадлежности данной территории).

Северо-восточнее от Силезии находится территория, также долгое время, и особенно в XX в., находившаяся в ситуации многократного «перемещения границы», которое «вызывало переворот в значениях, приписываемых физическим пространствам» [Ibid., 40–41], — нынешнее российско-эстонское пограничье

и конкретно город Нарва. Ф. Мартинес отмечает, что «эти окраины были свидетелями постоянных завоевателей и великих сражений, таких как битва с участием короля Швеции Карла XII и Петра I России... Нарва стала местом встречи немецкого кайзера Вильгельма II и русского царя Александра III. После распада империи новая независимая Эстонская Республика получила контроль над всем городом Нарвой, включая Ивангород. Линия этой границы была взаимно признана Советской Россией и Эстонией в Тартуском мирном договоре 1920 г. Во время Второй мировой войны территория Эстонии была одной из линий фронта — до такой степени, что в результате было разрушено 98,2 % зданий. После войны советское правительство не разрешило бывшим жителям Нарвы вернуться домой и решило не реконструировать барочный старый город Нарвы, а перестроить его как современный социалистический город» [Martínez, 168–169], то есть, как и в случае с Силезией, переинтерпретировать пространство, но с акцентом не на историческую преемственность, а на реализацию советского проекта будущего. Тем не менее инструменты стирания старых смыслов и конструирования новых в целом были похожи.

А. Упадьяй подчеркивает, что «советская политика широкого внедрения рабочих-мигрантов со всего Советского Союза и депортации местных жителей в районы другой этнической принадлежности сыграла огромную роль в изменении демографического и этнического профиля стран Балтии... Если в 1934 г. этнические эстонцы составляли 88 % населения, русские — 8 %, представители других национальностей — 4 %, то между 1945 и 1989 гг., после введения политики, направленной на экономическое и социальное восстановление Эстонии как неотъемлемой части Советского Союза, это соотношение резко изменилось: русскоязычное население выросло с 26 000 до 602 000 человек, то есть с 2,7 до 39 %» [Uradhuay, 163]. Кроме того, продолжает автор, «советская политика и институты активно поддерживали адаптацию русских мигрантов в Эстонии — давали им приоритет в получении жилья, создавали отдельную систему языкового обучения, предоставляя привилегированный статус русскому языку, который также служил лингва-франка страны» [Ibid.].

С распадом СССР и девальвацией советского проекта граница, на время стертая с политико-административных карт, вновь обрела очертания государственной и вновь началась переинтерпретация пространства — только в обратном направлении. Инструменты, которые показали себя достаточно успешными — языковая и образовательная политика, смена топонимики, переозначивание мест памяти, реконструкция архитектурных сооружений, репрезентационно-символические жесты (например, вывешивание флагов на общественных зданиях [Martínez, 157]), активно использовались правительством теперь независимой Эстонии.

Одним из ключевых элементов, обеспечивших в свое время успешную колонизацию Силезии и отчасти советизацию Прибалтики, было быстрое и кардинальное изменение демографических характеристик соответствующих приграничных районов, то есть насильственное перемещение «неудобного населения» [Ibid., 178]. В современных правовых реалиях такое перемещение противоречит как национальному, так и международному праву, с одной стороны, усложняя государственным институтам задачу контроля и регулирования границы и приграничных территорий в физическом и социокультурном смысле, а с другой — побуждая искать иные способы взаимодействия со сложным пограничным населением. Так, в 1992 г. эстонским парламентом был принят закон о гражданстве, направленный на правопреемство с независимой Эстонской Республикой 1918–1940 гг., который определял гражданами Эстонии только тех жителей и их потомков, которые были гражданами до 16 июня 1940 г. — до даты присоединения к СССР. Это привело к тому, что около полумиллиона послевоенных поселенцев и их потомков были объявлены «иностранцами» или «лицами без гражданства» [Uradhuay, 163]. В итоге русскоязычные жители Нарвы часто называют эстонцев «соседями» [Martínez, 158], а сами эстонцы периодически представляют себя выше русских, которых считают «нецивилизованными» и «восточными» [Ibid., 179], относятся к русскоязычным жителям страны как к «пятой колонне с пророссийскими симпатиями» [Uradhuay, 163], для которых «столица — Таллин, а президент — Путин» [Ibid., 171].

Таким образом, ни СССР, ни современное эстонское государство не смогли реализовать силезский тип переинтерпретации пространства, предполагающий достижение консенсуса по вопросу принадлежности территории старым и новым «хозяевам места». Память и идентичность в Нарве до сих пор остаются предметом сложных повседневных практик и политических дискуссий.

Подводя итог, можно отметить, что представленные кейсы показывают механику процесса переинтерпретации пространства пограничья. В случае с Нарвой мы увидели, как дважды в течение XX в. государственная граница физически двигалась по этому пространству, меняя статус и территории, и людей внутри этой территории, которые также становились инструментом, целью и результатом данной переинтерпретации. Случай с Верхней Силезией показывает, насколько эффективно может происходить процесс переозначивания памяти и смены идентичности места и людей, его населяющих, при достаточно активной и бескомпромиссной национальной политике нового «государственного сюзерена» приграничной территории на протяжении трех, четырех и более поколений. Кейс с Нарвой показывает, с одной стороны, аналогичный Верхней Силезии процесс, дважды инициированный двумя разными политическими субъектами, а с другой — как происходит обратное «отвоевывание пространств и смыслов» предыдущей доминирующей группой: этот процесс провоцирует и обостряет «пограничность» не только как «лабораторию» новых практик взаимодействия (включения и исключения), но и как психическое/психологическое состояние местного населения, (частично) лишенного своей агентности.

Продолжающиеся миграции людей на другие территории и «миграции границ» по населению, как подчеркивает Ф. Мартинес, разрушают старые сообщества и формируют новые, вызывают переселение, создают новые меньшинства или гомогенизируют население внутри новых границ. При этом, как отмечает исследователь, границы не являются ни объективными сущностями, ни вечными: они представляют собой искусственные конструкции как в их физической материальности, так и в их социокультурном значении,

возникающие из смеси социальных и институциональных практик [Martínez, 174]. Изучение богатого (при этом не всегда успешного) практического опыта различных стран в переинтерпретации пространств, конструировании памяти места/о месте с целью формирования новой идентичности (лояльности новому

«государственному сюзерену») у жителей пограничных территорий в условиях динамично изменяющегося мира дает большие эвристические возможности для анализа политических процессов в области политики памяти и идентичности в современных государствах.

Список источников

- Беспамятных Н. Н. Антропология пограничья: концептуализация исследовательского направления // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. 2012. № 2 (18). С. 36–43.
- Божко Л. Л. Концептуальные подходы к понятию «граница» в контексте институциональной парадигмы // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2011. № 1. С. 47–50.
- Большакова Н. В., Мотеюнайте И. В. Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее (международная научная конференция, Псков, 5–7 декабря 2013 г.) // *Псков. регионол. журн.* 2014. № 17. С. 130–143.
- Ерохина Т. И., Хрящева И. А., Захарова М. И. Модус пограничности в современном гуманитарном знании // *Ярослав. пед. вестн.* 2017. № 3. С. 233–239.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаева. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 09.10.2022).
- Цветкова О. В. Политическая лимология: концепт границы // *Регионология Regionology*. 2015. № 3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1397> (дата обращения: 10.11.2021).
- Brunet-Jailly E. Conclusion: Borders, Borderlands, and Security: European and North American Lessons and Public Policy Suggestions // *Borderlands: Comparing Border Security in North America and Europe*. University of Ottawa Press, 2007. P. 351–356.
- Demshuk A. Reinscribing Schlesien as Śląsk: Memory and Mythology in a Postwar German-Polish Borderland // *History and Memory*. 2012. Vol. 24, № 1 (Spring/Summer). P. 39–86.
- Eilenberg M. Borders of engagement // *At the Edges of States: Dynamics of State Formation in the Indonesian Borderlands*, 2012. P. 43–74.
- Martínez F. Narva, a Centre out There // *Remains of the Soviet Past in Estonia: An Anthropology of Forgetting, Repair and Urban Traces*. UCL Press. P. 155–181.
- Ładykowska A., Ładykowski P. Anthropology of Borders and Frontiers The Case of the Polish-German Border land (1945–1980) // *Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances* / ed. Arnaud Lechevalier, Jan Wielgohs. Transcript Verlag, 2013. P. 159–182.
- Silesia // *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/place/Silesia> (дата обращения: 04.10.2022).
- Upadhyay A. Borderland Geopolitics In Estonia: The Case of «Narva» — The Russian Majority Enclave // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2017. Vol. 21, № 3 (July–September). P. 160–169.
- Venken M. Making the Border // *Peripheries at the Centre: Borderland Schooling in Interwar Europe Book*. Berghahn, 2021. P. 77–118.

References

- Bespamyatnykh, N. N. (2012). Antropologiya pogranich'ya: kontseptualizatsiya issledovatel'skogo napravleniya [Anthropology of the Borderland: A Conceptualization of a Research Area]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj'naga universiteta kul'tury i mastatstvaŭ*, 2(18), 36–43.
- Bozhko, L. L. (2011). Kontseptual'nye podkhody k ponyatiyu «granitsa» v kontekste institutsional'noi paradigmy [Conceptual approaches to the concept of «border» in the context of the institutional paradigm]. *Nauchno-tehnicheskie ведомosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 1, 47–50.
- Boľshakova, N. V., Moteyunaite, I. V. (2014). Kul'turnyi landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Pskov, 5–7 dekabrya 2013 g.) [Cultural Landscape of the Borderlands: Past, Present, Future (International Scientific Conference, Pskov, December 5–7, 2013)]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 17, 130–143.
- Erokhina, T. I., Khryashcheva, I. A., Zakharova, M. I. (2017). Modus pogranichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii [Borderline modus in modern humanitarian knowledge]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 3, 233–239.
- Nora, P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok, M. (1999). *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. Per. s fr.: D. Khapaeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (accessed: 09.10.2022).
- Tsvetkova, O. V. (2015) Politicheskaya limologiya: kontsept granitsy [Political limology: the concept of the border]. *Regionologiya regionology*, 3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1397> (accessed: 10.11.2021).

- Brunet-Jailly, E. (2007). Conclusion: Borders, Borderlands, and Security: European and North American Lessons and Public Policy Suggestions. *Borderlands: Comparing Border Security in North America and Europe*. University of Ottawa Press, 351–356.
- Demshuk, A. (2012). Reinscribing Schlesien as Śląsk: Memory and Mythology in a Postwar German-Polish Borderland. *History and Memory*, 24, 1 (Spring/Summer), 39–86.
- Eilenberg, M. (2012). Borders of engagement. *At the Edges of States: Dynamics of State Formation in the Indonesian Borderlands*, 43–74.
- Martinez, F. Narva, a Centre out There. *Remains of the Soviet Past in Estonia: An Anthropology of Forgetting, Repair and Urban Traces*. UCL Press, 155–181.
- Ładykowska, A., Ładykowski, P. (2013). Anthropology of Borders and Frontiers The Case of the Polish-German Borderland (1945–1980). *Borders and Border Regions in Europe: Changes, Challenges and Chances*. Editors: Arnaud Lechevalier, Jan Wielgoths. Transcript Verlag, 159–182.
- Silesia. *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/place/Silesia> (accessed: 04.10.2022).
- Upadhyay, A. (2017). Borderland Geopolitics In Estonia: The Case of «Narva» — The Russian Majority Enclave. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 21, 3 (July–September), 160–169.
- Venken, M. (2021). Making the Border. *Peripheries at the Centre: Borderland Schooling in Interwar Europe Book*, 77–118.

Сведения об авторе

Зевако Юлия Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Yulia V. Zevako, Cand. Sci. (Political Science), Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Research, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

*Статья поступила в редакцию 01.09.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022;
принята к публикации 30.09.2022*

*The article was submitted 01.09.2022;
approved after reviewing 15.09.2022;
accepted for publication 30.09.2022*